

— Цинъюнь, проснись!

Тихий зов Симины вырвал Юй Цинъюня из омота воспоминаний. Он открыл глаза, но взгляд его оставался пустым и безжизненным, устремленным в никуда.

Был ли это лишь сон? Нет, это была реальность — его собственная память о том дне, когда он впервые встретил Му Сибая.

— Сибай...

Глядя на друга, Симин почувствовал укол жалости, но скрывать правду более не имело смысла. Он лишь со вздохом покачал головой и мягко коснулся плеча Цинъюня.

Тот внезапно вскочил с бамбукового кресла и, оттолкнув Симины, бросился к постели Му Сибая.

Да, теперь он вспомнил. Му Сибай перестал дышать еще на обратном пути, не дойдя до Павильона Юйсюань.

— Его ранил не обычный человек. С его-то телом...

Прежде Цинъюнь не знал, каков на вкус этот коктейль из горечи и радости — любовь к человеку. Лишь теперь, касаясь остывающего тела Му Сибая, он познал это сполна. Даже тот, кто уже однажды прошел через смерть, может ведать страх. Страх потери, страх забвения, страх перед концом...

На его ладонях всё еще виднелась запекшаяся кровь — кровь Му Сибая. Ощущение беспомощности и растерянности, прежде неведомое, теперь душило его.

Отчаянный страх лишал воли.

Му Сибай не мог умереть.

Он был обычным человеком. Он должен был прожить спокойную жизнь, завести семью и никогда не встречаться с Юй Цинъюнем. Всё пошло прахом с самого начала. Если бы они не встретились, не возникло бы этой «причины», не пришлось бы пожинать сегодняшний «плод».

«Чувства позволяют живому умереть, а мертвому — воскреснуть».

Слова, которыми Симин когда-то в шутку поддразнивал его, эхом зазвучали в голове. Цинъюнь, словно одержимый, начал повторять их вполголоса.

Стоявший рядом Симин и без того не находил себе места, а видя друга в таком помрачении, и вовсе разволновался. Смерть необратима — он привык взирать на круговорот жизней с безразличием, но Цинъинь после Нирваны всегда смотрел на мир иначе. Как быть теперь?

Симин тяжело вздохнул, понимая, что не может позволить другу окончательно лишиться рассудка.

— Симин, — Цинъинь обернулся.

Он впился взглядом в лицо Симин Синцзюня, но казалось, что он не видит собеседника.

— Я...

Заметив это выражение лица, Симин не на шутку встревожился.

— Мертвых не вернуть, не вздумай совершить глупость! — воскликнул он, едва сдерживая дрожь. — Цинъинь, Му Сибай не такой, как ты. Не смей вмешиваться в его судьбу. Игры с круговоротом сансары — это не шутки.

Связь между Юй Цинъинем и Му Сибаем возникла из ниоткуда и была в высшей степени странной. Если Цинъинь вмешается еще и в его посмертие, этот узел злой судьбы станет и вовсе неразрешимым.

— Тогда скажи, что мне делать? — Цинъинь мертвой хваткой вцепился в окровавленный рукав Му Сибая. — Он оказался в этом из-за меня.

Симин помедлил, борясь с собой, но всё же решился:

— Пусть он исчезнет из твоей жизни.

Злая судьба — это грех и проклятие. Лучше обрубить этот узел сразу и бесповоротно.

Цинъинь широко раскрыл глаза, не веря своим ушам.

— Я отправлюсь к Тайшан Лаоцзюню и выпрошу для тебя снадобье, чтобы ты забыл его, — Симин стиснул зубы, заставляя себя быть жестоким. — Он смертный. После смерти он войдет в колесо перерождений, тебе не о чем беспокоиться.

— Ты мой лучший друг, и я знаю, что ты желаешь мне добра. Но, Симин... я не смогу.

Юй Цинъинь внезапно обрел непоколебимую решимость.

Симин лишь горестно вздохнул. Он ожидал такого ответа.

— К чему всё это...

К чему всё это было тогда, и к чему теперь. Эти двое не менялись. Симин не знал истоков их связи, а потому не мог понять.

— Не иди на крайности. Я помогу тебе...

Он сдался. Подойдя ближе, Симин прижал два пальца к межбровью Му Сибая и закрыл глаза, читая тайное заклятие. На кончиках его пальцев затрепетал слабый призрачный свет.

— Я наведаюсь в Управление призраков, — Симин спрятал мерцающую искру в ладони и строго наказал Цинъюнь: — Что до Цинхуань, пусть Ли Е найдет способ выпустить её оттуда.

Он мельком взглянул на соседнюю комнату, где лежал Су Ицю.

— Нужно закончить с этим как можно скорее.

— Ты собираешься ради Му Сибая...

— Цинъюнь, мертвые не оживают, это истина, которую не изменить. Нарушишь её — заплатишься, — Симин на мгновение замолк. — Но поскольку Му Сибай — смертный, он может вновь родиться человеком.

Юй Цинъюнь сжал кулаки, чувствуя тупую боль в сердце. Переродиться — значит начать заново? Значит стать чужими?

— Симин, я снова доставляю тебе хлопоты.

— Ох, только не нужно этой нежности, я, скромный бессмертный, этого не вынесу, — Симин притворно изобразил испуг. — Просто разберись с этими змеиными сестрами, и мне станет гораздо легче.

Юй Цинъюнь кивнул.

После ухода Симина в Павильоне Юйсюань вновь воцарилась тишина. Во всем тереме Юй Цинъюнь остался единственным живым существом, способным издать хоть звук. Су Ицю всё еще пребывал в беспомощности — ни Цинъюнь, ни Симин так и не смогли понять, кто наложил на него заклятие глубокого сна. А запертая в комнате Цинси была лишена всех чувств волей Цинъюня. В этом тесном пространстве не осталось никого, кто мог бы потревожить его покой.

или разделить его печаль.

Мир замер, и лишь тоска множилась в тишине.

Он сидел у постели, охраняя того, кто больше не дышал.

Прошлое пронеслось перед глазами обрывками киноленты.

Ему всё еще чудилось, будто он видит эту едва уловимую усмешку на губах Сибая и нежные линии его лица, окутанные дымкой. Но стоило протереть глаза, и образ ускользал. Цинъинь с пугающим упорством пытался воскресить в памяти его облик, но чувствовал лишь неисцелимую боль и несказанную горечь.

Что он чувствовал сейчас?

Внезапно вспомнив о вещице, которую Му Сибай вложил ему в руку, Цинъинь поспешно достал её из-за пазухи. Это была подвеска для веера из молочно-белого полупрозрачного нефрита, формой напоминающая узор «Глаз Феникса». В слабом свете казалось, будто края камня мерцают алым.

«В тот день, когда ты вернулся пьяным, я хотел отдать тебе это...»

Вспоминая свой поспешный побег из поместья Симины в тот вечер, Цинъинь осознал, что поведение Му Сибая тогда и впрямь было странным. Он казался крайне недовольным.

«Было ли у тебя на лбу когда-нибудь... родимое пятно или шрам?»

«Цинъинь, позволишь ли ты мне увидеть твой истинный облик?»

«Нехуан... чей это ребенок?»

«Ты и впрямь всё забыл».

Его шепот, его дыхание у самого уха:

«... Цинъинь, хочешь ли ты вернуться со мной в горы Цишань?»

Цинъинь сжал ладонь, до боли вдавливая подвеску в кожу.

Пока он пребывал в забытии, с безжизненным телом Му Сибая начали происходить странные

вещи. Когда Цинъинь заметил это, было уже поздно: плоть медленно обращалась в песок и прах, тая на глазах.

Юй Цинъинь в отчаянии попытался схватить его, но пальцы ловили лишь пустоту. Му Сибай исчезал, не оставляя после себя ничего.

— Кто же ты... на самом деле?

Когда Ли Е прибыл в Павильон Юйсюань, Юй Цинъинь всё еще сидел в оцепенении. Ли Е едва мог поверить своим глазам: Юй Цинъинь, сотни лет славившийся своим изяществом и невозмутимостью, выглядел совершенно раздавленным.

— Эй, облезлая птица, — Ли Е подошел к нему. — Я открыл тебе «черный ход».

Даже при всей своей неуклюжести в словах, Князь призраков почувствовал, насколько тяжелая атмосфера царит в комнате.

— Раз уж за дело взялись мы с Симином, этот смертный переродится. Успокойся.

— Спасибо.

Цинъинь ответил ровным, безэмоциональным тоном, даже не повернув головы. Ли Е не стал докучать расспросами. Похлопав друга по плечу в знак утешения, он оставил душу Цинхуань и вернулся в город Фэнду. Цинъинь понимал: он не имеет права тонуть в загадках, оставленных Му Сибаем. Первым делом нужно было разрешить судьбы Цинхуань и Цинси.

Он поднялся и обратился к замершей у порога Цинхуань:

— Иди к сестре. Пора подвести всему этому черту.

Цинхуань была напугана. Казалось, она еще не до конца осознала реальность своего положения.

— Неужели... прямо сейчас?

Её связь с Су Ицю, её вражда с Цинси — всё должно было прийти к логическому финалу.

— Разумеется.

Юй Цинъинь привел Цинхуань в комнату, где находилась её сестра.

— Ты знаешь, почему тогда я согласился помочь тебе стать человеком?

Юй Цинъюн было любопытно: как можно было полюбить свободного бессмертного Су Ицю, лишь раз увидев его на портрете?

Следуя за Су Ицю в мир смертных для преодоления невзгод, Цинхуань нарушила законы Небес. После она, не боясь опасности, приняла условия демонов и отдала свои силы ради спасения его жизни. Такая жертвенность поражала. Но еще удивительнее было то, что, встретив Юй Цинъюня, она взмолилась о превращении в человека, желая лишь одного — провести с любимым одну-единственную жизнь.

Отречься от бессмертного корня ради человеческого тела, лишиться места в небесных списках и обречь себя на вечный круговорот перерождений...

Это была слепая одержимость.

— Мне очень хотелось увидеть, что ты поймешь, когда этот миг настанет.

— Мне нечего сказать, — Цинхуань закусила губу, охваченная невыразимой мукой. — Неужели Глава павильона, подобно Эрлан Чжэньцзюню, каравшему моих родителей, тоже скажет мне это нелепое: «Сама встреча была ошибкой, и каждый шаг лишь множил её»? Неужели вы тоже меня жалеете?

«Эрлан Чжэньцзюнь? Ян Цзянь и впрямь говорил такое?»

— Вовсе нет, — Юй Цинъюнь взмахнул рукой, снимая заклятие с Цинси. Та, едва обретя чувства, первым делом увидела сестру. — Мне просто любопытно: ты, чьи чувства столь глубоки, понимаешь ли ты сама, что такое любовь?

Берясь за каждое дело, Юй Цинъюнь наблюдал за людьми, надеясь найти ответы. Но и по сей день он не понимал мотивов их поступков и не находил того, что искал.

— Цинхуань? Ты еще не сдохла? — холодно усмехнулась Цинси.

Две женщины с одинаковыми лицами смотрели друг на друга совершенно разными глазами.

Юй Цинъюнь подумал про себя: «Цинхуань жива лишь потому, что ты сама заперла её в оковах сна».

— Твой финал не должен решать кто-то другой, — произнес он. Прежняя непринужденность покинула его голос. — Если бы решение принимал Эрлан Чжэньцзюнь, вы обе были бы мертвы. Но у нас с тобой контракт, и это меняет дело.

В глазах Цинхуань, прежде казавшихся пепелищем, блеснули слезы благодарности.

— Не благодари меня. Я никогда не веду убыточных дел, и твоя жизнь мне безразлична, — Циньинь выглядел изможденным. — Тебя спас другой. Он заключил со мной сделку, чтобы сохранить тебе жизнь.

Услышав это, Цинхуань замерла, не в силах даже плакать. Кто мог пойти на такое ради неё?

— По правилам я не должен вмешиваться, но скрывать это было бы нечестно. У меня есть силы спасти лишь одну из вас. Выбери, Цинхуань: ты или твоя сестра?

— Цинси, — без малейшего колебания ответила Цинхуань. Жизнь больше не имела для неё ценности.

— Я отказываюсь! — закричала Цинси.

— В таком случае ты примешь на себя всю вину и будешь ждать кары на Террасе Прыжка Богов, — не обращая внимания на крики младшей, Юй Циньинь обратился к Цинхуань: — Похоже, ты уже поняла, кто заплатил за твое спасение.

Цинхуань почтительно поклонилась. Это был их последний разговор.

— Благодарю, Глава павильона. Мне нечем отплатить вам.

Циньинь принял этот поклон.

Боль, проникающая в кости. Слезы печали. Красные бобы взаимной тоски.

— Пусть твои чувства станут слезами и обратятся для меня в красные бобы взаимной тоски. А я взамен дарю тебе покой в будущей жизни.

Юй Циньинь понизил голос. Его мягкие, обволакивающие слова успокаивали мятущийся Линшэнь Цинхуань.

Вскоре после этого Цинхуань скончалась, а Цинси осталась жить. Что же до Су Ицю, то он никогда не вспомнит, что была на свете женщина, готовая ради него пройти через девять кругов ада.